

ПОЭЗИЯ

Никита Блинов

ИЗ КНИГИ:

"ИГРА В ДУРАКИ

И НАЧАЛА АНАЛИЗА"

• • •

Как хочется все бросив убежать!
Да жмет башмак, и набежали тучи.
Как хочется остынув утешать:
люблю — шепнуть, — не плачь. Да совесть мучит.

Как хочется сказать: „Я не хочу
так дальше жить“, — да жизнь не разрешает.
Как хочется быть поглупей чуть-чуть,
как хочется! да што-то все мешает.

Как хочется все ДА, и НЕТ решить.
При всем при том поэтом слыть и франтом.
Да все-на-то... Как хочется прожить
с плеча (да не поймут меня привратно).

Как хочется тепла! Горит свеча.
В ночи смотрю на пламя голубое.
Как хочется порою закричать!
Да не пройдет... Как хочется покоя!

— — —

Когда не спеша разрезаешь пространство,
наполненный миром стихов и метафор;
Когда переходишь проспекты пространств,
и дышишь прогорклым раствором метана;

когда в белом танце галантных снежинок
провидишь картины истории ветхой,
и синии, синии, синии жилки
растут у виска, как ольшинные ветки;

когда спящей улицей мото-амфибий
летят дилижансы на тонких рессорах;
когда возникают в морозном эфире
герои романов с блуждающим взором, —

становишься сам безнадежным уланом,
и ждешь, как появиться в бликах неона:
Настасья Филипповна в платье с-воланом,
и, пьяный шарманщик с лицом фараона.

- - -

• • •

Если-куря папироски
на рафелин Петровский
смотреть от моста дворцового,
увидишь: с гранитным цоколем —
налево столпились зданья,
направо уходят зданья,
а в центре, уходят в небо
суставчатых два создания...
Петропавловский-шпиль, а рядом
телевизионная рама.

Как-то неловко глазу
видеть их вместе сразу...
Что-то сознание мучает...
Скрыть бы какую тучами,
Дождь бы што ли пошел?

Как-то нехорошо,
если пространство борется
за вертикаль, и портится
время от напряжения.

Но не найти решения
для противостояния.

Нервное состояние
чувствуется вокруг
борющихся подруг.

Месяц их просвещает,
и сами они ощущают,

что главная их позиция —
неверная композиция.

И споры ведут, упорствуют,
качаются, противоборствуют...

Так башня в заоблачном проблеске
бранится: "Это все происки
консервативной подружки...
с архангелом на макушке..."
А та ворчит: "Это шашни
телевизионной башни!"...

В то время, как виновата
ростральная колдунья.

— — —

БО — ЦЗЮЧ — И
И.
Н.Б.

От деревьев ночных
тень на красных перилах лежит.
Золотая луна
утонула в осеннем пруду.
Вспоминаю твой сад,
где ручей по камням бежит,
и за рощей дом,
тот,
в который я завтра приду.

Сверчок предрассветный
поет и в испуге стихает.
Свеча потухая смеется.
Шестое апреля.
За окнами — утро.
С дождем говорю я стихами.

В банановых листьях
послышались первые трели.

Утун у колодца
качает промерзшую крону.
За окнами ветер
цвет про осенние степи.
Один отправляюсь я спать
под нависшую кровлю.
Проснулся и вижу:
луны — половина постели.

На много "лиц"
раскинулась дорога.
Я за шесть лет
впервые возвращаюсь.
Знакомый дом.
Заехал, выпил грога.
И вот опять
с хозяином прощаюсь.

Кладу мою лютию
на тонкий изогнутый столик.
Я ленью охвачен,
а чувства не сыщут приют.
И думать не надо,
И струны тревожить не стоит.
Их ветер ударит
и сами они запоют.

. . .

За свои сорок лет окосевши поряточно
от приемов, звонков, заседаний и прочего, —
стал чужд человек. Говорили "припачочный",
рвет его от бульона с куршными почками,
не читает газет, нос воротит отчаянно
от семьи, от друзей, от восторгов умеренных...

Жил посредственный клерк, но — со всеми случается:
заскуцалось ему. И тоска непомерная
как подкатит под горло! Терпение кончилось.
И однажды все бросив — для храбрости выпивший,
и в уме повредившийся — бледный, всклокоченный
он как был, хлопнув дверь, на улицу выбежал.

Он бежал чуть дыша, спотыкаясь и падая,
мимо зданий, оград, подвернувшейся парочки.
А во-след проносились, как "бабочки пачали",
адреса, телефоны, визитные карточки...

- - -

Жил я раньше у "Никольского", на углу Бодовой,
и домой возвращался мимо колокольни.
Луна светила протокольно,
и знакомый фонарь меня встречал за домом.

Я прожил там около года и уехал.
Но в груди осталась боль колокольного эха.

Вечерами мне одиноко и горько.
И колокольни рыба кость
встала поперек горла.

А в тех местах я — редкий гость.

- - -

• • •

Король, собака, и звезда
(король — душа моя-печальная,
звезда во лбу, а пса зовут отчаяньем)
шли полем. Ветер бешенный свистал.

Король был хмур, дешегового кольца
зеленый камень на руке лучился,
пес нествязный свади волочился,
и полю не было конца.

А в нем росли цветы любой молвы,
протягивали стебли чудо-травы,
и капли приторной отравы
к земле склонялись; и шипы впивались
в подошвы короля.

Иду на "ВН":

картинка такова: народ восстал,
оставив сердцу горб ненужной гордости...

Король, собака, и звезда,
Бермудский треугольник безисходности.

— — —

Зима не что иное как весна.
Весна, -открой кавычки, станет осень.
Та, в свой черед, воспоминаьем-сна
в ночь летнюю (не читывали. Просим

прощенья). Что во сне? В нем тоже Я,
Что наяву; и мышка та же кошка...

Сон, между нами певочками, Явь
напоминает (без Бобо), немножко

смещенную во времени: сейчас —
всего лишь — завтра, то есть в прошлый вечер.
А Явь — ни-что иное, как свеча
поставленная во спасенье вещи.

... Пускай психует жидка у виска,
пускай Сутьба и Тьма идут по следу —
Зима немножко все — таки тоска,
Но и тоска ясна когда по свету.

Что я пишу, зачем значки-клату?
Пишу как слышу, буквами абстракций;
а слышу все и вся, но не найду
своих ушей сместившихся в пространстве.

Все вскоре явным станет — Вечный Чет!
И лишь НИЧТО пребудет постоянно...
Оно ни что иное, как НИЧТО;
и есть в нигде, хоть там и пустовато...

... Пошел за папиросами. В лесах
стоят ветрами траченные зданья.
Зима по сути все-таки Весна,
только чуть-чуть смещенная в сознании.

— — —

Зима ни-что иное-как весна,
Земля шарообразна, и отсюда —
медаль необратима. Холит байка:
апостол Павел перешел в ислам.
Мир переходит в стадию абсурда...
И ходят комсомольцы из Клондайка.
Но так и есть наверное, когда
уже холсты я видел, на которых:
корова ела карпа, карп — кота,
кот — свеклу, и так далее...

В конторах
вам оформляют право на эдем.
Да, в декабре присутствует бесспорно
апрель, так в "П" есть многого от "М",
и в кухне бобыля — от преисподней.

Да, времена-престранные идут.
Довольно-посмотреть и улавиться.
И если-завтра сифидис найдут
у ЭВМ — никто не удивится.

Мир — мещанин. Сегодня на весах
не совесть, но здоровая кислотность.

... Зима, пожалуй, все-таки весна.

Весна не что иное как условность.

- - -

Зима не что иное как весна.
Тем паче в Петербурге, где ясна
природа ветра и воздушных замков.

Я голубой наматываю шарф,
и думаю: "вселенная есть шар,
но вывернутый кем-то на изнанку."

Так веселится снейперсва снег,
любовь находишь там, где ищешь смерть,
дырявых звуков строй сольется в струи...

Ни рая, ни Адама, ничего;
одни фигуры бреда. Бью челом —
продлите мне серебрянные струны!

Попытка реконструкции есть-блажь.
Зима, январь, без шапки, на распаш —
Ку-Ку! судьба —, и дальше многоточья...

Сколь выгорела краска на мостах!
Не завелась бы моль в моих мозгах!
... Я знаю что по чем и очень точно!

А по сему какую ни мечту
заблудшую, за счастье почту.
... За кем, куда ушел мечтатель-мальчик?

Хоть в обморочных облаках витать
огней Св.Эльма не видать
ни даже на адмиралтейской мачте.

К истории приравнивая шаг, --
по набережной двигаюсь, Душа
по-стольку прирабатывает гидом.
А сердце-бьется в по-плиз минор.
Свернулось время в популярный ношь,
пространство заболело менингитом.
И вот я утверждаю, выйдя в-сад:
"Зима ни што иное как-весна", ...
и так Адмиралтейство -- дом жирафа.
... Вобьет палац в-лацонь последний гвоздь,
и-тут возникнет Пластиковый Гость --
каратель коммунальных Дон-Жуанов.
С испугу сердце застучит назад, --
(не завелась бы пыль в моих глазах)
мы скажем: "все равно и все епино."
И жизнь (увы!) -- комедия лица; ...
в ней нет начала, как и нет конца,
есть только ЗОЛОТАЯ середина".

Скрипя, как старый ссохшийся органчик,
ТАЩИЛСЯ ПО ДОРОГЕ БАЛАГАНЧИК.
В нем ехал Истуканов -- барабанщик,
Петров -- факир, и Церельман -- обманщик.
Еще у них был Пет-р -- попугайчик --
статист. В таком составе, шатко-валко,
и ковылял по свету балаганчик.
Дорогой напивались, и вповалку
неделю спали, только попугайчик,
зло матерясь, походный вел журнальчик.
Когда же встречный город проезжали,
то протрезвлялись и совет держали,
а к вечеру давали представление
на площади, у ратуши столетней
такое: Церельман копил по кругу,
кривляясь и протягивая руку;
стучал по барабану Истуканов,

в то время, как Петрод жевал стаканы;
а попугайчик Пет-р, до икоты,
рассказывал блатные анекдоты.
Народ стекался толпами, смеялся,
в ладоши хлопал, за живот хватался,
и, посмотрев на зрелище довольно,
была в итоге публика довольна.
Но тут случилось так: какой-то мальчик
кричал, подняв пророчески злой пальчик,
что — "Церельман — воришка и обманщик,
Петров придуман зря, а барабанщик,
неистово по головам стучащий,
дурацкий, и вообще — не настоящий!"
Народ услышав это удивлялся,
затем пугался, кошелька хватался,
не находил, к эстраде порывался,
поколотить артистов собирался.
Тут балаганчик быстро запырался,
и, под шумок, сторонкой убирался.
А, миновав последние ворота, —
еще семь верст проехав, оставался
на отдых, метрах в сто от поворота
к совхозу (икс). Луна светила ржаво,
шумел кокос, пел чибис, лошадь ржала,
и спали мертвым сном в траве, как трупы,
четыре короля бродячей труппы.
Когда же пробежал по лицам "защитник",
вставал, одним из первых, — попугайчик,
за ним Петров, и глупый барабанщик,
за ними Церельман — плут и обманщик.
Ворча и чертыхаясь от досады, —
съев грушу из общественного сада,
в дорогу собирались, и, дурача,
всех по пути, катились наудачу,
все дальше, день за днем, за годом годы...
Менялись на земле цари, законы;
про славный развеселый балаганчик
легенды были сложены, шарманщик
их помнит, а в народе позабыли.

Лишь иногда какой-нибудь уличник
рассказывал, как видел: в море пыли,
шатаясь будто пьяный, с горки в горку,
"давая петуха", срывая горло, ---
скуля, как старый чокнутый органчик,
тащился по дороге балаганчик.

- - -

Уехать бы куда-нибудь в провинцию,
Зимой-морозной, пасмурной, метельной.
По старой обязательной традиции, ---
без денег, без надежд и без провизии, ---
билет купить на первый понедельник.

Под Оренбург, под Гдов, или под Вологду.
Работу бросив, плюнув на прописку ..
сложить рюкзак, и двинуться по холоду
к вокзалу, заодно прощая городу ...
всю боль, и всю любовь, и компромиссы...

Пропустит в тамбур проводница-умница,
и, поводя озябшими плечами,
смотреть в окно, как вьюга к небу курится;
бездумно провожая взглядом улицы, ...
с прохожими, с афишами, с печалью...

На позабытой всеми выйти станции,
и на пустом перроне ночью-темной ...
посетовать на жизнь, поплакать стансами;
чиркаш постать мороженными пальцами,
и прочь уйти, на свет живой и теплый.

Уехать бы ей Богу! Кто-то должен ведь
вот так вот уезжать, пускай не часто;
на кладбище работать вечным сторожем,
хоронить в тулупе... А иначе кто-же нам
могилку уберет недобрым часом?

Уехать, завести собаку "ситную",
что б вместе выть под руны ветра в осень;
а в-вечера, при лампе керосиновой,
писать стихи в хибаре под осидюю,
и волкой угощать прохожих поэтих.

Вот так и жить, но сердцу и по разуму,
кирпичный город свой припоминая;
"разлука ты разлука"...-петь по праздникам,
сушить грибы, мед собирать по пасаекам,
шепча слова и листья приминая.

Однажды получить письмо случайное
в конверте голубом, с диловой маркой;
Дожди любить, слыть чуаком отчаянным,
а все, что было, — позабыть нечаянно,
и умереть тринадцатого марта.

- - -

В двенадцать часов по ночам
из гроба гусары встают.

Семь кольтов они постают,
и бьют на пари по свечам.

В двенадцать часов по ночам
легко попадать по свечам.

А свечи имеют бутон —
семиладестковый бокал, ..
на каждой свече свивший дом,
и не распустивший пока

семь листьев, семь алых цветов.
Семь свечек — сердец моих семь;
их видно во мраке, зато
так ловко сшибают их все.

Хохочет гусар, кольт в руке,
и свечи летят на паркет.

В двенадцать часов по ночам
я таю подобно свечам:
мой пульс то выиграл,
то поник.

Семь чувств опадают моих.

И только пальба и пальба,
и снова у них "по рукам",
и кровью стреляет у лба.
Забавно моим дуракам!

В двенадцать часов по ночам,
едва наигравшись вполне —
они засыпают во мне.
Всегда у гусаров ничья.

Но новая ночь настает,
и снова поручик встает,
и снова он будит солдат,
и вновь — пот холодный со лба.

Семь кольтов старинных несут.
Распустят все пули — уснут.

Что снится моим палачам?
Об этом не скажет луна,
которая в небе видна
в двенадцать часов по ночам.

- - -

СНЕЖНЫЙ МАЛЬЧИК

А скрипочка дела, а мальчик был бледен.
Играя на сердце, он музыкой бредил.
Но нет, — не павалось ему обучение.
Лишь только: свечи семигранной свечење...

Но очень хотелось играть научиться.
И жизни не жалко: вещь может случиться,
что выдох последний вдруг музыкой станет.
Он очень старался, пока не растаял.

- - -

ОБЛОМОВ

- Заснуть бы на часок (семь бед!),
пусть что-нибудь приснится;
А там, глядишь, готов обед.
Да только вот не спится.
- Заснуть бы часиков на семь,
а что потом — неважно:
плевать на все дела совсем.
Пусть хоть потоп — не страшно!
- Заснуть бы по утра (в чем суть?).
Проспать бы жизнь (тошно!)
Да вот бессонница: заснуть
хоть на минутку — сложно.
- О Боже! в голове рябит: ...
сирень, пролетка, Ольга... —
Как ни вертись, что ни прими —
не спится, да и только!

— — —

Закрyli на зиму померкший Летний сад,
в душе — эдэм, да поделиться не с кем.
В природе есть от фарса, где маркиз де Сад
соавторствовал с Достоевским.

Манерный вышел, эклектический букет,
больное сочетанье форм и стилей,
где в прутьях ивовых запутался багет
оконной рамы с градусником синим.

Дуб, злешний сторожил, дает серьезный крен...
Геометричен сад — ромб, перекресток, точка...
На набережной, где киоск не может встать с колен,
просвечивает фонарей цепочка.

Молчу. Гармония в природе, этикет:
скомеек полустершиеся рейки
белеют. И стоит на ветерке
Психея в деревянной телогрейке.

— — —

Я плачу на скамейке в старом парке.
Как это сладко — плакать в старом парке.
Легко и просто плакать в старом парке!
Я плачу. Соловей смыкает арки.

Я плачу от обиды в старом парке....
Зачем нехороша? Так тихо в парке....
Люблю я плакать в старом странном парке:
ни зги. Ни полисмена, ни кухарки.

Я плачу год в забытом старом парке,
я плачу два в старинном странном парке,
я плачу три в глухом, пустынном парке...
Все реже плачу. Больно слезы марки.

И вот репечт липы в старом парке,
и вот нагдеют ливни в странном парке,
и вот я в диком и пустынном парке
смеюсь над миром под вороньи карки!

— — —

На лестнице (не оступись душа...
Как ночь нежна, как музыкален шаг!)
потынешься легко (седьмой этаж),
как на седьмое небо месяц-пак.
И шорохи дождя плаца как шум дождя ...
В оконной раме город чуть дыша
спит сном младенца, на ресницах свет,
и видит сны, и смотрит им во-след.

А те проходят, их легки тела,
и тают оплывая от тепла,
как свечи, как снега; они грустны,
и призрачны, и молчаливы. Сны
подобны тем прекрасным и пустым
рабам любви со взглядами ПУСТЫНЬ.
В оконной раме чаши фонаря
коснуться ветки клена норовят.
И все полуреально, каждый жест
имеет смысл тайный... Восемь, шесть
шагов осталось (только и всего).
Над крышей — месяц, но уже светло...
... По мраморным ступеням, не спеша,
подымешься. Не оступишься ДУША.

- - -

- Какая встреча! — Извини спешу...
- Одну минутку только! — Сделай милость.
- Куда спешить хоть? — Так я и скажу.
- Ты кажется совсем не изменилась.

Все те же Маньки, Ваньки, гоп-князья...
Приятно видеть — ты не похудела.
Как поживаешь расскажи. — Нелзя.
- Что видела? — Тебе какое дело?

- Ну, как прикажешь... Чай,
давно не видел. Стоило ли впрочем?
- Ну что тебе еще?! — Не дерчай,
один вопрос... — Изволь, да покороче.

- Акакий как Акакиич, уже
слыхали человек совсем извелся?
- Жив! хоть куда! и служит хорошо!
Еще шинелькой новой обзавелся.

- - -

• • •

В мастерской того художника,
поп всееленский шорох пождика,
собирались чухи разные: ..
выборн в бессмертье праздновать.

Короли, поэты, рыцари -
неплохой народец в принципе.
Но и нечисти-порядочно, -
жизнь ввела свои порядочки.

Был художник чуть помешанным;
по углам холстов навешал он,
на которых краски мучились
в интересных сочетаниях.
И боясь чуланной участи
порывались в мир отчаянно.

А пространство как освоили -
начинали жить по-своему:

Пели, заговоры прочили,
мастера называли начиником -
жили, как кому захочется:
места было всем достаточно.

Днем глазищами таранили,
ночью - плакали, да каркали.
(образумить бы товарищей, -
право - полная анархия).

Но когда?! Все было некогда.
Горький на душе осадочек. ...
Вобщем: дальше ехать не-куда!
Интересная мансарпочка!

Так и жили обреченные
паны, эльфы, и пророчества.

А художник был по-черному
в промежутках между творчеством.

— — —
То было в апрельское звонкое утро:
сидел у окна я, чирикали пташки, ..
и — то-ли заснул я, но вижу как будто:
проходит процессия улицей нашей.

Король, Королева, Бессонница, Гамлет;
гремят палашами гвардейские части...
И тащится карлик, поня на камни
огромные слезы о маленьком счастье.

Но тут я как-будто бы снова очнулся.
Смешно щикотались по телу мурашки,
за рамой оконной тополь качнулся —
все было в порядке. Чирикали пташки.

— — —
Он проживал в пержавной богадельне,
на первом этаже снимая угол;
работал оператором котельной,
писал баллады, и друзей "аукал".

Ел что придется, где-то ошивался,
носил потертый плащ, и знал что волен
на все махнуть, — он тоже ошибался,
но думал, что хотел, и был доволен.

Любил романсы, дождь, и город в осень;
курил две пачки в день, и был не вечен.
Содной столкнулся без минуты восемь,
когда шел на работу в зимний вечер.

Ни раз, ни два был-проводим в угрозыск,
пил воду из под крана, водку не-пил;

живя в "дыре", писал стихи о розах.
За что и был помилован на небе.

- - -

Я в муках породил тебя,
импровизируя рождение.

И в первых числах октября
явилась ты, как наваждение.

Рояль расстроен был и-плох,
за стенкой царствовала ругань.
Что пропустили Бах и Бох —
откорректировали руки.

Измучен, голоден, но горд, —
я пальцы опускал в бемоли.
И первый родился аккорд,
в ультрамариновом миноре.

Потом еще один, затем...
ты наднебесно прозвучала.
Струилась кровь из под ногтей,
но это — утро означало.

Чудак, дурак, пигмалион, —
я сочинил тебя под осень.
Бутылка рома и лимон
на мельхиоровом подносе.

В моих расширенных зрачках
носились фонари по кругу.
Я домешался и зачах,
родив прелестную полругу.

Ты музыки была дитя,
я так любил тебя — помилуй!
Но, плоть и форму обрета,
ушла к другим: "до встречи, милый!"

Какой смертельный голосок!
Походка, взгляд, и пальчик хрустнул...
Как ты прекрасна, как высок
порыв виоланцеллиной грусти!

Я дьян, и буйствую в бреду: ...
подумаешь — ну, выпил лишку...
"В субботу может быть приду.
Маэстро, не сердитесь слишком."

Уходит музыка от нас, ...
едва лишь обрета свободу.
Ты не пришла и в этот раз,
и в следующую субботу.

На этой правде мир стоит —
любая смерть тамт рожденье.
Она мне говорит: "Прости,
ты вызываешь раздраженье."

Ну что ж, я понял, нем и-строг;
мне в джляпу шлепаются франки.
А эта дура — о, восторг! —
отчаянно флиртует с франтом
под громыхающий фокстрот.

— — —

Собаки плачут. Плохо быть собакой:
собака вечно шляется босая,
собаку кормят мерзостной салакой,
собаку любят, а потом — бросают.

И в-год "Собаки", — век собачий горек.
Собачья жизнь останется соба^бчей.
Где переспать? О мир-бродячих орги^и!
о вечно актуальная задача:

наполнить брюхо, и не быть побитой.

Каких чудес им ждать от Бога?

Но затаилась черная собака
в душе собачьей дикой и убогой.

И делятся они в мороз и в стужу;
и день и ночь зовут, боятся, плачут!

"Где наш хозяин, где?" Зато — о ужас! —
на каждую собаку есть собачник.

И катится слеза в собачью гриву,
а грива в рубль ценится на бойне.
"Собаке — смерть собачья" говорим мы,
но жизнь собачья — это ли не больно?!

— — —

Уходят в море корабли,
оставив баржи.

Их провожают короли,
играют марши!

Уходят в море корабли
регатой белой,
А море шлепает о бриг
крылатой пеной.

Как много света и надежд!

Как ясно небо!

Мы привезем с собой одежду,
вина и хлеба

Гуляют волны за кормой,
хохочет ветер!

А сам собой кораблик мой
один на свете.

Он в страхе падает на дно,
и — снова в воздух!

А ночью смотрят на него
большие звезды.

Уходят в море корабли
за "лучшей" правдой,
а в море плавают киты,
пираты, крабы...
Вода и небо без дорог.
Тут — третий — лишний.
Но он плывет, хоть весь продрог,
как вечный пицци.

Блуждают в море корабли
за голым голым.
Но вдруг появляясь в дали
родные горы...

Как ожидаем этот день!
Как мы устали!
Вся жизнь была всего лишь тень,
того, что с нами.

Выходит на берег матрос,
и видит в муке,
как вымахал в порту кокос
за дни разлуки.

Гуляют в море корабли.
Там: бури, гвамы...
А дома пали короли,
и нету мам.

В стране воинственный режим:
радстрелы, путчи...

А дети в плаванье ушли
за правдой лучшей.

На белом камне, отдохнув,
сидят матросы.
И говорит один, вздохнув,
"Дай папиросу".

Покурят (грубый разговор,
дурные шутки).

А, после, пыль стряхнув с ботфорт,
садятся в шлюпки.

Как мало в их сердцах начал!
Как много соли!

Но чайки весело кричат,
но в небе — солнце!

И, оглянувшись издали
на бухты блюдце,
ухопят в море корабли
чтоб не вернуться.

- - -

1.

Устав от распрей и забот —
как прокормить семью, с кем выпить, —
я ночью сгинул за борт,
ни мало не надеясь выплыть.

То было лето, звезды, крым,
и теплоход "Иван Качалов",
пугая мелководных рыб,
скорлупкой на волнах качался.

Я в общем трюме водку пил,
и вспоминал любимый город,
который переполнен был
до горла пресноводным горем.

Я все, что мог припоминал:
семью, суды, военкоматы,
работы (как я их менял!)...

И как я их под водку мотом
перемывал. Судьбою счет
оплачен. Дым струился к люстрам;
я выпил, покурив еще,
и прыгнул с палубы к моллюскам.

Но чтоб вы думали? — меня
 принять пучина не хотела.
 Я на волнах четыре дня
 покачивался обалдело.
 А к вечеру, на пятый день,
 у горизонта показалась
 таинственного вида тень.
 То остров был, как оказалось.
 Вот так я и возник, сведя
 сюда весь крах своей порочы;
 где 8 лет прожил, сидя
 "на лоне девственной природы".
 К нам не заходят корабли,
 прогресс сюда не кажет носа.
 И только год спустя, в прилив,
 презерватив, и двух матросов
 я подобрал на берегу;
 и — робинзон блатного толка —
 их не без шарма берегу,
 а в праздник изучаю "томно".
 Сперва все было хорошо,
 начало много обещало.
 Я смерть искал, а жизнь нашел.
 В лесу калибри верещала.

2.

.....

 Я начал разводить кокос;
 ловил креветок и салаку,
 завел в хозяйстве диких коз,
 из волка получил собаку.
 Стад-сеять, жать, молотить, решил
 создать свою металлургию...
 Потом два дикаря пришли
 копать шурфы, затем "другие".

А дальше — больше: разрослись
мои сады, сизки, загонны;
устав написан был, и в высь,
и вширь — пошли расти законы.

Я только жару подпавал, ...
Бананов прибывало в кассе...
Но тут дикарь забунтовал.
И было УТРО ПЕРВОЙ КАЗНИ.

А я все реже извинял
своих наложниц чернокожих,
хотя любил их как себя
и даже более быть может.

А я все, простней, любил
свои сады, свой дом, свой остров...
И вот, однажды, вечер был,
был вечер, тихий вечер просто:

я на веранде пил (ну да!
конечно волку, и, конечно...
точь в точь такую, как тогда,
с таким же точно чувством). Где же

мои мечты (о чем? о ком?)
Их нету. Только звон кружек
поверенных, да, за окном,
солдатский храп и лязг оружия...

Я понял все и застонал.
Но было поздно (пей гусарство!)
в дверях, с ухмылкой, стоял
зловещий призрак государства.

- - -

Ходод-нынче — не высунешь нос!
Отдыхаешь, никто не нагрянет.
А на стеклах рисует мороз
корабли с якорями.

Размечтавшись, пьешь чай допоздна,
утоляешь бараңками голод...

А за белым квадратом окна
спит заснеженный город.

В переулках пустых сылет снег,
да трясет фонари ветер — конник.
Из окна проливается свет,
озарив подоконник.

За холстами в углу шарит мышь.
Папираса пускает клечки.
В книгу смотришь ли, просто сидишь:
хорошо бесконечно!

Так живешь день за днем без тревог,
и всегда у причала, в бездельи —
Брига́нтины покорно жгут срок,
за неделей неделя...

Но однажды приходит весна.
И печальная эта регата,
голубые подняв паруса,
уплывает куда-то...

- - -

Смятение

Хочу сказать и не могу сказать.
Под сердцем только что-то трепыхнется.
Хочу сказать... И что-то трепанется,
чего не стоило и вспоминать.

Хочу любить и не могу любить.
Поскольку не согласен с тем и с этим...
и вообще боюсь... и мне не светит...
и больно мне... К чертям! Забыть, забыть...

Хочу узнать. И не хочу спросить;
хочу добра — вношу лишь разобщенье.
Хочу простить и не могу простить:
"Отщенья!" — сердце требует: "Отщенья!"

Хочу сказать и не могу любить.
Хочу спросить, но в страхе от ответа...
Забить? И, задохнувшись в плащ от ветра,
я в ночь иду, шепча — "Как быть? как быть?..."

— — —

Стою на каменном мосту.
В природе царствуют белыя,
... кварталный премлет на посту,
... и снег садится на перила.
Там — тополь врезан в облака,
на трещину в стекле похожий;
тут — снег (о, белый балаган!)...
садится на глаза прохожим.

Стою, и не-куда пойти.
Но это ни-за грамм не грустно.
... Дрожат трамвайные пути,
... и пляшет снег под звон гуслей.
Как сладко быть даемине
с самим собой в декабрьский вечер!
... Никто не вспомнит о тебе.
... И снег снижается на плечи.

Как хорошо смотреть на мир
глазами зверя, или птицы!
... Свободен сам, на сердце — мир,
... И снег припорошил ресницы.

Стою. Провидец, идиот?
... Трамвай названивает слезно.
... И снег идет, и снег идет...
полупусть — полусерьезно.

— — —

На "Герцена" в особняке старинном,
в каморке с прокоптившимся камином,
где пахнет камфарой и нафталином, —
который год живет старушка-смерть.
Уже поужива, послецовата, —
глуха, рассеянна, припурковата, —
желта лицом... Но видно, что когда-то
поклонников с пяток могла б иметь.

А нынче что? Живет себе не тужит:
хрет пауков, да валерьянку глушит;
давно она у КНЯЗЯ в певках служит, —
не трудная работка, в самый раз:
там — подберет, тут — паутину снимет,
на стол подаст, приколет старый снимок,
протрет трюмо, в белье подсыпет синьки,
да выбьет прохудившийся матрац.

Она и кастелянша и стряпуха,
и ключница; и шерсть прялет из уха...
вообще незаменимая старуха —
где надо до хозяйству подсобить.
И в этом доме ей одной, по праву,
пожалована должность костоправа:
хозяину с руки и ей по нраву, —
условились... и так тому и быть.

Прислуга — хоть куда! Но и чудачеств
не лишена (а как же? не иначе!).
Но это лишь клает штришок удачный
на — в целом — характерную муру.
Так — первое: гадает на отбросах,
второе: часто курит папиросы,
и — в третьих: любит, что б сухие розы
лежали в изголовье поутру.

Еще могу сказать, вам по секрету:
старушка наша — девственница. Это
мне ясно, как и то, что смерти нету...

Ну, это, извините, — ерунда!

... И ходит, значит, наша героиня
по вымершим и крупно-габаритным
докоям. Смотрят сверху херувимы,
да скрипнет половица иногда.

А что хозяин...? А хозяин — выше;
в приемной засекает, тяжело дышит,
кого-то принимает, что-то пишет
и — мало занимается собой.

Он мизантроп вообще-то, но не может
чтоб отказать просителю, и пожил
до невралгии. Лезет вон из кожи
и слушает часов печальный бой.

.....
В особняке старинном между окон
лежит свернувшись гусеничный кокон;
потрескался фасад, отколот локоп
у гипсовой Венеры, — жалкий вид!
Колонны покосились презабавно;
он и совсем рассыпался б-задаром,
но взят был под опеку-государством
и до сих пор поэтому стоит.

Там Смерть живет в чулане и, бывает,
услышать можно, как она зевает;
а если кто стучится — отпирает
и отпускает в тело взяв.

Мы вверх идем по лестнице непрочной
с душой замороженной и полночной,
а там, в прихожей — наши оболочки,
как выцветшие шубы, в ряд висят.